

Г.В. Иоффе, Т.Г. Нефедова

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

В статье рассматриваются устойчивые социально-экономические и пространственные особенности организации сельского хозяйства в России, их соответствие модели Тюнена и отличие от развитых капиталистических стран.

Постановка задачи. Как известно, хозяйства, расположенные в разных объективных условиях, различаются доходностью. Причин этого может быть много, но две из них – общие: различия природных условий (рента по плодородию) и расстояния до рыночного центра (рента по положению).

Наиболее наглядно закономерности влияния города на окружающую местность представлены в известной схеме И.Г. Тюнена [1], где фактор удаленности земельного участка от города, расположенного на абсолютно однородной равнине, определяет интенсивность сельского хозяйства. В основе модели Тюнена лежит понятие о ренте по положению как частном случае экономической ренты. Тюнен, исходя из соотношения затрат и цены зерна, показывает на конкретных расчетах, что чем ближе к городу местоположение сельхозугодий, тем выгоднее увеличивать затраты на единицу площади, поскольку цена зерна повышается настолько, что окупает их. Соответственно и урожайность зерна по мере удаления от города падает.

При таком подходе периферийные хозяйства менее рентабельны (в пределах каждого вида специализации), причем крутизна градиента рентабельности всегда зависит как от цены реализации, так и от транспортных издержек, т.е. от расстояния до рыночного центра. Оригинальная модель Тюнена, построенная на примере Северо-восточной Германии, расслаивала экономическое пространство вокруг рыночного центра на разные зоны специализации, характерные для первой четверти XIX в. Бессмысленно, следуя модели Тюнена, пытаться выявлять локальные системы с точно таким же расслоением пространства, поскольку реалии различных стран, регионов и исторических эпох вносят свою специфику в землепользование. Но эта специфика не устраняет главного: введя понятие ренты по положению, Тюнен показал, что экономическое поведение фермеров не может ее игнорировать. От этого зависят и география интенсивности землепользования, и специализация сельского хозяйства.

Локальные, а во многом и региональные системы сельского хозяйства Европы и Северной Америки достаточно долго соответствовали закономерностям, вытекающим из модели Тюнена. Это выражалось в так называемых тюненских кольцах, изображавших падение интенсивности землепользования по мере увеличения расстояния до рыночного центра, и в приуроченности наиболее интенсивных культур (молока, овощей, картофеля) к пригородным зонам, а менее интенсивных (зерновых, кормовых) к периферии.

В Северной Америке подобное положение сохранялось до начала 60-х годов, подтверждение о чем можно найти, например, в классической работе Жана Готт-

манна «Мегалополис» [2], а в Западной Европе – даже несколько дольше. Впоследствии региональные и локальные сельскохозяйственные системы в этих частях света подверглись кардинальным изменениям. Эти изменения были многообразны, но в них доминировали два основных фактора: снижение транспортных издержек в связи с прогрессом как дорожного строительства, так и средств транспортировки скоропортящейся продукции, отвод сельскохозяйственных земель под быстро расширяющуюся городскую застройку. Последний фактор сказался как в Западной Европе, так и особенно сильно в некоторых районах США, где сейчас в пригородах проживает 46% населения, в городах – 31%, в сельской местности 23% [3].

В результате действия первого из указанных факторов изменился географический профиль ренты по положению: значение близости к городу для определения сельскохозяйственной специализации стало отступать на задний план. Исключения из этой закономерности среди развитых стран – по-видимому, только Канада и Австралия в связи с уникальной географической сопряженностью между процессами заселения и естественного плодородия. Но и здесь существование градиентов интенсивности землепользования связано именно с этой особенностью освоения территории, а не с рентой по положению как таковой. В США эта сопряженность уже не выражена, давно нет и центробежных градиентов интенсивности сельскохозяйственного землепользования. Другими словами, пригородное сельское хозяйство как зона интенсивного землепользования перестало существовать.

Второй из названных факторов, связанный с отводом земель под городскую застройку, способствовал снижению земельных расценок в пригородах в том случае, если сохранялась сельскохозяйственная функция земельных участков. Проще говоря, у фермеров появлялась неуверенность в завтрашнем дне из-за того, что застройщики всегда могли заплатить за землю намного больше того, чем мог выручить фермер от своей деятельности на протяжении многих лет, т. е. происходил процесс экономического «выдавливания» сельского хозяйства из пригородов.

Одним из результатов этих изменений явилось увеличение роли ренты по плодородию. Сельское хозяйство на Западе стало концентрироваться в ареалах, специализация которых зависит от природных условий несравненно больше, чем от расположения рыночных центров. Модель же Тюнена получила другое применение: в работах по экономике и географии сельского хозяйства на нее уже не ссылаются, тогда как работы по внутренней географии города, изучающие рельеф земельных расценок, надолго оказались под ее влиянием. В нескольких популярных на Западе учебниках экономической географии это положение отражено. При этом отмечается, что сельскохозяйственное применение модели Тюнена сегодня приурочено к развивающимся странам, где местные системы товарообмена, как, например, говорится в известном учебнике Стуца и де Суза, напоминают западную Европу начала XIX в. [4]. В учебнике дается ссылка на окружение Джайпура в Индии. В не менее известном учебнике Дикена и Ллойда [5] рассматривается окружение Аддис-Абебы (Эфиопия).

Наши исследования, однако, показывают, что географические пределы адекватности модели Тюнена современным реалиям все же значительно шире, чем это представляется многим западным авторам. По существу почти в любом регионе бывшего СССР можно обнаружить «тюненское изолированное государство». Косвенным подтверждением этого служат работы по пригородному сельскому хозяйству 60-х годов [6]. Работа И. Вильцина [7], основанная на эмпирике Латвии, – красноречивое подтверждение этого, хотя автор даже не упоминает имени Тюнена. В отличие от И. Вильцина Б.С. Жихаревич [8] показал, что вопреки относи-

тельно периферийному положению областного центра, сельское хозяйство Ленинградской области воспроизводит концентрическую схему Тюнена.

Задачи данной статьи сводятся к следующему:

- показать, что убывание интенсивности сельскохозяйственного землепользования по мере удаления от крупных городов – реальность современной России;
- попытаться найти причины сохранения этого явления в России, в то время как в Западных странах оно давно перестало существовать;
- описать существующие центробежные градиенты в регионах России и интерпретировать полученные результаты исследования.

Тюненский ландшафт в регионах России. В 1984 г. один из авторов настоящей статьи [9] опубликовал карту интенсивности сельскохозяйственного землепользования в Московской области, на которой изолиниями показан объем валовой продукции в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий. Это – типичная схема Тюнена с большой, в 7-8 раз разницей в выходе продукции между ближайшими пригородами столицы и удаленными от нее районами. Согласно расчетам, выполненным в конце 80-х годов, выход продукции с единицы угодий в области на 65% зависит от положения по отношению к центру и лишь на 7% от естественного плодородия земель [10, с. 69]. Аналогичные карты были опубликованы не только для Московской, но и Ленинградской, Ярославской и Новгородской областей [10]. Основные различия между ними сводились к крутизне градиента: наибольшей – для Москвы и Ленинграда, наименьшей – областей с небольшими центрами.

Практически во всех областях России можно обнаружить более или менее выраженные тюненские зоны падения интенсивности сельского хозяйства по мере удаления от рыночного центра. Однако различия в степени этой выраженности и ширине зон зависят прежде всего от двух основных факторов: степени освоенности территории и специализации сельского хозяйства; величины города [11].

Первый фактор сильнее всего варьирует по осям «север-юг» и «запад-восток». На слабо освоенных северных и восточных пространствах России контрасты «центр – периферия», как правило, очень велики, почти все растениеводство и стойловое животноводство примыкает к городам, оставляя периферии экстенсивное, обычно пастбищное хозяйство. То же – в засушливых восточных районах. К такой схеме организации все быстрее приближаются и некоторые области Центральной России из-за запустения сельской местности. На более освоенных, южных территориях, особенно в Европейской России, как правило, интенсивнее сельское хозяйство. В Черноземной зоне контрасты «центр – периферия» в сельской местности выражены несколько слабее, чем в Нечерноземье, еще меньше – в Краснодарском крае.

Что касается второго фактора, то способностью формировать вокруг себя район с особыми характеристиками сельской местности обладают далеко не все города. На Севере практически каждый город и поселок имеет отчетливую зону пригородного сельского хозяйства. Однако на уровне административных районов заметный рост продуктивности и изменение характеристик сельской местности можно увидеть лишь при наличии центра с населением свыше 50 тыс. чел. В Центральной России один или несколько административных районов с показателями более интенсивного и продуктивного сельского хозяйства, как правило, характерны для больших городов (свыше 100 тыс. жителей).

Во время кризиса 90-х годов при тотальном фоновом падении производства так называемые тюненские кольца не только не подверглись эрозии, но во многих известных нам случаях даже усилились [3, 12].

В Московской области в конце 90-х годов максимальная отдача сельскохозяйственных земель была характерна для ближайших к Москве районов: Люберецкого, Балашихинского на востоке, Ленинского на юге, Красногорского на западе. Самая низкая – на крайнем западе и востоке области. Перепады выхода продукции на единицу угодий между ближайшими к Москве и окраинными районами за 90-е годы возросли с 7-10 раз до 10-20.

Максимальный выход валовой продукции с единицы угодий достигается в ближайших к Москве районах, прежде всего за счет концентрации основных производственных фондов сельского хозяйства, главным образом, животноводческого профиля, и непромышленной инфраструктуры. В них значительно выше и плотность сельского населения: в среднем 70 чел/кв. км в ближайших к Москве районах, между тем как в наиболее удаленных – 15-20. Градиент выражает именно производительность единицы угодий. Объем валовой продукции на одного сельского жителя больше на окраинах области, где меньше плотность населения и гораздо теснее его связь с сельским хозяйством. Сельское же население ближайших к столице районов ориентировано, скорее, на городские занятия и на Москву.

Показатели выхода валовой продукции во многом связаны с концентрацией деятельности и специализацией хозяйств. Однако если попытаться выявить чистую производительность угодий по мере удаления от города, например по урожайности зерновых культур с гектара посевов, получится почти такая же картина. В других регионах, особенно в Нечерноземье, урожайность зерновых между пригородными и периферийными районами различается при сходных природных условиях в 4-6 раз. Даже удои от одной коровы в пригородах в 3-5 раз больше, чем на периферии областей.

По урожайности зерновых и продуктивности скота в 90-е годы сравнивались показатели трех лучших и худших районов Московской области (по 8% от всех районов) с двумя (те же 8%) лучшими и худшими районами Рязанской области (табл. 1) [13, 14].

Таблица 1

Изменение градиентов падения продуктивности земель и скота
в Московской и Рязанской областях за 90-е годы

Область, район	Урожайность зерновых, ц/га		Надой от одной коровы, кг/год	
	1986-1990 гг.	1995-1998 гг.	1991 г.	1998 г.
<i>Московская обл.</i>				
Лучшие районы	34,2	28,9	4180	4608
Худшие районы	18,1	11,5	2086	1865
Градиент	1,9	2,5	2,0	2,5
<i>Рязанская обл.</i>				
Лучшие районы	24,0	19,2	3155	2860
Худшие районы	10,3	8,0	1762	1222
Градиент	2,3	2,4	1,8	2,3

Находящаяся под влиянием более мощного центра Московская область настолько обогнала Рязанскую, имеющую, кстати, более благоприятные природные условия, что показатели худших для Подмосковья районов были, скорее, сравнимы с лучшими для Рязанской. Поэтому и терять в годы кризиса Подмосковному сельскому хозяйству было что. При этом гораздо более стойкими оказались рай-

оны, ближайšie к столице. Поэтому в Подмоскowie центрально-периферийный градиент лишь усилился. В Рязанской области урожайность на периферии уже в 80-х годах почти достигла нижнего предела, а в центральных районах области она была более высокой. Поэтому уменьшение продуктивности земель было более равномерным, а усиление градиента – незначительным. Ситуация с продуктивностью скота оказалась аналогичной подмосковной: кризис легче выдержали хозяйства, расположенные ближе к центру. В целом контрастность показателей лучших и худших районов и связанной с нею центрально-периферийный градиент увеличились, и особенно сильно в Подмоскowie.

Все это привело к тому, что за годы кризиса *концентрация производства в отдельных районах-лидерах усилилась. Возросла и контрастность в продуктивности земель и скота.* В Московской области это выражено особенно сильно, так как общественные хозяйства сохранили здесь бóльшую значимость, чем в других регионах России. В Подмоскowie роль личного подсобного хозяйства населения заметно ниже, поэтому такого сильного рассредоточения производства по подворьям, как во многих областях, не было. Но и в других регионах, особенно нечерноземных, общественное производство также опирается на ближайšie к центрам регионов основные специализированные районы, которые в бóльшей степени способны противостоять кризису.

В целом различия между центральными и периферийными районами внутри регионов оказались настолько устойчивыми, что даже сильный спад производства в 90-х годах не изменил основных территориальных закономерностей. Это резко отличает внутриобластную географию сельскохозяйственного производства от российской межрегиональной, где в годы кризиса произошли заметные территориальные изменения в сельском хозяйстве [15].

Факторы устойчивости тюненского ландшафта. В чем причина возникновения и устойчивости тюненского экономического ландшафта в регионах России? Казалось бы, влияние рыночных механизмов при социализме затушевывалось относительно стабильными фиксированными ценами, сильно заниженными на некоторые продукты. Посевные площади часто навязывались хозяйствам принудительно, например под картофель, так как выращивать его при низких государственных закупочных ценах было невыгодно. Значение фактора ценности земли вблизи городов до 90-х годов формально было сильно приуменьшено. Земля была навечно закреплена за колхозами и совхозами, которые именно в пригородах были, как правило, наиболее крупными (3-6 тыс. га).

Представляется, что указанный феномен вызван синергическим эффектом влияния большого числа факторов:

Первый из них – долговременный общий дефицит продовольствия. Вне этого явления невозможно понять сам факт использования маргинальных (худших по плодородию и положению) земель в сельском хозяйстве. Ведь рента, понимаемая как дифференциальный доход, вытекает именно из сопоставления с продуктивностью в хозяйстве, находящемся в худших условиях.

Второй – тип заселения или освоения пространства, характерной чертой которого служит разреженность городской сети, прежде всего, способной оказывать цивилизующее воздействие на свое окружение.

Третий – общая запущенность сельской местности. В связи с этим вместо негативного влияния урбанизации на сельское хозяйство, отмечаемого в западных работах [16], и их взаимного отталкивания, в России близость к городу притягивала сельскохозяйственные кадры в еще бóльшей степени, чем сама сельская инфра-

структура. Сельские жители как бы восполняли в близлежащем городе то, что они не могли получить на месте. Этим объясняется несравненно бóльшая демографическая стабильность пригородных сельских территорий по сравнению с периферийными. Это не могло не сказаться и на результатах сельскохозяйственной деятельности. Вместе с тем *сельская депопуляция глубинки* не компенсировалась ростом производительности труда в сельском хозяйстве, как это было в европейских странах и США. Тяготение сельских трудовых ресурсов к пригороду в условиях общего демографического кризиса на селе приобрело значение фактора экономического роста или, по крайней мере, фактора, тормозящего экономический спад. Важно учесть, что речь здесь идет не только о численности, но и качестве трудовых ресурсов и их возрастной структуре. Негативная селекция, долгое время сопутствующая вымыванию населения из сел в города, с особой силой сказалась именно на глубинке, откуда уезжали наиболее молодые, трудолюбивые, предприимчивые люди.

Четвертый – отклик советского территориального планирования на вышеописанную ситуацию. Региональные власти по существу способствовали *стягиванию всех новых и технологически прогрессивных объектов сельского хозяйства в ближайшие пригороды*. В этом проявлялась экономическая рациональность подхода плановиков, их предпочтение вкладывать средства там, где вероятнее отдача. Но при этом за счет больших дотаций поддерживались и периферийные, безнадежно убыточные хозяйства. Все вместе способствовало отставанию глубинки, закрепляя ее иждивенчество, как предпосылку современного экономического банкротства. Помимо экономической рациональности сказывалось и стремление властей иметь «под рукой» наиболее значимые объекты сельского хозяйства, что в принципе свойственно административной экономике.

Пятый – *развитие инфраструктуры и сама топология транспортной сети*. Имеется в виду наличие, как правило, одного крупного городского центра в каждой области и расходящихся от него транспортных лучей. Даже независимо от качества этих коммуникаций в условиях общей запущенности сельской местности радиальная структура транспортной сети дает неоспоримые преимущества пригородным территориям.

Шестой – *долговременная монополия городских переработчиков сельскохозяйственного сырья*, перехватывающая все потоки в пределах соответствующих административных единиц. Тем самым межобластные потоки продовольствия и другого сельскохозяйственного сырья существенно уступали внутриобластным. Это усиливалось и существующей политикой максимально возможного самообеспечения регионов.

Наконец седьмой – *барьерный эффект административных (областных, республиканских) границ*.

В совокупности эти семь факторов создали хотя и не полные, но достаточно явные структурные подобию тюненских изолированных государств. Вместе с тем важно понимать, что *в России речь идет, скорее, о квазитюненских ландшафтах*, нежели о содержательном соответствии реальности оригинальной модели Тюнена. Во-первых, последняя вытекала из экономического поведения индивидуальных хозяйств, тогда как в основе распределения фондов сельскохозяйственного назначения вокруг российских городов лежала плановая экономика, где основные экономические решения принимались не на хозяйственном уровне. Во-вторых, как ни важен транспортный фактор сам по себе, современная вариация транспортных издержек в пределах областных границ не настолько велика, чтобы предопределить 20-кратное падение интенсивности производства на расстоянии 100 км от города,

как это происходит в Московской области. Да и качество транспортной инфраструктуры в таких областях, как Московская и Ленинградская, не настолько низко, чтобы породить и воспроизводить такие градиенты. Как раз в областях, где оно хуже, градиенты более пологие.

Эрозия тюненского ландшафта? В современной России все более заметны некоторые черты сходства с развитыми странами Западной Европы, которые могут привести к эрозии квазитюненского ландшафта. Прежде всего, – «выдавливание» сельского хозяйства из ближайших пригородов вследствие «экспансии» города, так как локально воспринимаемая общественная полезность городского и дачно-рекреационного землепользования в пригородах оказывается выше сельскохозяйственного. Это подтверждается падением реальной стоимости земель для населения в Подмоскovie: от нескольких тысяч долларов за сотку в ближайших к Москве районах, особенно к западу от столицы, до 100 долл. и менее – на периферии области. Казалось бы, это должно было стать общественным приговором тюненскому сельскохозяйственному ландшафту.

Эрозия его колец уже намечается в Подмоскovie и некоторых, особенно крупных городских регионах. В Подмоскovie происходит и заметное сокращение земель коллективных сельскохозяйственных предприятий в ближайших к столице административных районах (табл. 2).

Таблица 2

Динамика землепользования в Московской области в 1985-2000 гг.

Пользователь	Доля на 1 января, %				Изменения, тыс. га		
	1985 г.	1990 г.*	1995 г.	2000 г.	1985-1990 гг.	1990-1995 гг.	1995-2000 гг.
Сельское хозяйство	45,9	44,7	39,2	38,7	-13,1	-339,6	-24,5
Городские Советы	2,3	4,7	3,5	4,0	+110,9	-57,5	+21,4
Сельские Советы	2,6	1,1	6,3	6,8	-76,5	+241,1	+22,3
Населенные пункты	4,9	5,8	9,8	10,8	+34,4	+183,6	+43,7
Предприятия промышленного транспорта и оборонные	8,0	8,6	7,1	5,9	+20,0	-38,9	-54,1
Лесное хозяйство	39,7	39,5	40,2	40,0	-9,2	-7,8	-11,8
Заповедники, нац. парки, рекреационные предприятия	0,8	0,8	1,2	1,4	+0,3	+13,1	+11,7
Земли запаса	0,6	0,6	2,1	2,6	-1,1	+65,0	+25,5
Прочие	0,1	0,1	0,5	0,6	+0,8	+18,8	+4,2
Итого	100,0	100,0	100,0		0,0	-101,9	-7,2

* На 1 ноября.

В Московской области земли коллективных сельскохозяйственных предприятий уменьшались и раньше, но за последнее десятилетие – особенно резко. Их общие потери составили шестую часть площади. Однако сокращение угодий происходило неравномерно – 2/3 всех изъятий приходятся на ближайшие и ближние к Москве районы. Меньше всего пострадали дальние, особенно южные, аграрные районы. А в Красногорском и Люберецком районах угодья агропредприятий сократились наполовину.

Спецификой России стало вытеснение коллективных сельскохозяйственных производителей из пригородов горожанами, сельскими и городскими администрациями, получившими в 90-е годы возможность манипулировать землей с целью ее распределения, продажи и перепродажи местному населению и горожанам для

расширения индивидуальной сельскохозяйственной деятельности и строительства второго жилья (включая и дорогие коттеджи, значительная часть которых, как и дачи, используется сезонно или в выходные дни).

Используя земельную статистику, мы попытались вычленить «реально частные» виды землепользования, активно растущие в 90-е годы, отделив их, прежде всего, от сократившихся на четверть земель коллективных сельскохозяйственных предприятий (табл. 3). Это земли фермеров, личных хозяйств (ЛПХ), сады, огороды и дачи, а также участки при индивидуальных жилых домах разного типа. Все эти владения выросли 3 раза, в основном в ближайшем пригороде. В конце 80-х годов их площадь относилась к площади коллективных хозяйств как 1:20, а сейчас как 1:5. Суммарно эти крошечные участки (при этом статистика не учитывает самозахваченных огородов) занимают в Подмоскowie около 350 тыс. га, т. е. в 3,5 раза больше площади Москвы.

Таблица 3

Динамика коллективного и индивидуального сельскохозяйственного землепользования в 1985-2000 гг., тыс. га

Пользователь	Площадь на 1 января				Изменения		
	1985 г.	1990 г.*	1995 г.	2000 г.	1985-1990 гг.	1990-1995 гг.	1995-2000 гг.
Коллективные с/х предприятия (АО, ТОО и др)	188,5	208,9	1394,3	1363,4	+20,4	+1185,4	-30,9
Государственные и муниципальные с/х предприятия (совхозы, госхозы, подсобные х-ва, НИИ)	1978,5	1888,5	183,8	235,8	-90	-1704,7	+52,0
ЛПХ	60,2	62,2	91,4	91,5	+2	+29,2	+0,1
Фермеры	–	0,5	55,6	67,2	+0,5	+55,1	+11,6
Садово-огородные хозяйства	39,6	69,8	135,1	136,6	+30,2	+65,3	+1,5
Индивидуальное жилищное строительство	–	–	–	40,0	–	–	+40,0
Дачи	–	1,3	2,0	2,3	–	0,7	0,3
Всего с/х земель	2268,8	2231,2	1862,2	1938,9	-35,6	-369,0	+76,7
в том числе:							
коллективных и государственных предприятий, %	98,2	94,0	84,7	82,5	–	–	–
граждан (частные или в пользовании), %	1,8	6,0	15,3	17,5	–	–	–

* На 1 ноября.

Если же к сельскохозяйственным землям коллективных предприятий добавить ЛПХ, сады, огороды, дачи, т. е. площади, на которых производится аграрная продукция, то окажется, что фактически сокращения агроземель почти не произошло, кроме ближайшей к Москве зоны. Все это говорит о качественной перестройке в использовании сельскохозяйственных угодий, его интенсификации и миниатюризации за счет ручного труда на малых участках [17].

Провинциальные пригороды, например Ярославский, также характеризуются выраженной парцелляцией земель за счет увеличения личного подсобного и садово-огородного использования. Однако доля частных здесь намного меньше, чем в Подмоскowie, – около 8% [3, 17].

В 90-е годы в России создается экономическая система, предположительно способная оперировать экономической целесообразностью. Нет экономического смысла в том, чтобы по-прежнему стягивать сельскохозяйственное производство в ближайшие к городу зоны. Уже сейчас, как отмечено выше, современный уровень вариации транспортных издержек в радиусе 100 км от города не дает соответствующего градиента интенсивности землепользования. Но вступают в действие другие факторы. Наши исследования отдельных хозяйств Подмосковья и соседних областей показали, что не столько расстояние до столицы, сколько состояние хозяйства оказывается сегодня решающим фактором прямых поставок продукции в Москву: сильные предпочитают работать непосредственно с московскими пищевыми предприятиями, слабые сдают продукцию на местные заводы. Но *сильных хозяйств, как правило, больше именно ближе к центру*. Да и дефицит отечественного продовольствия в стране сохраняется и при падении производства усиливается. Значит, усиливается и объективная значимость лучших по положению земель.

Таким образом, *общеотраслевые факторы входят в противоречие с территориальными*. С одной стороны – локальные предпочтения рекреации, с другой – соображения продовольственной безопасности страны в целом и крупных городов в частности. С позиции местного взгляда на вещи крупные животноводческие комплексы вблизи Москвы не нужны. Но многолетний опыт показал, что вложение средств в глубинку не дает результатов, поэтому уничтожать часто единственно рентабельные крупнейшие предприятия, реально кормящие города, – рискованная стратегия. В Подмосковье наиболее продуктивная сельскохозяйственная зона расположена в 20-60 км от столицы, т. е. в радиусе, наиболее удобном для рекреации (табл. 4).

Таблица 4

Участие зон разной удаленности от Москвы в производстве животноводческой продукции в 1990 и 1998 гг., %

Производство	1990 г.				1998 г.			
	(1)	(2)	(3)	(4)	(1)	(2)	(3)	(4)
Мясо								
все хозяйства	16	43	23	18	12	38	25	24
коллективные	16	45	22	17	17	40	22	21
Молоко								
все хозяйства	10	31	29	30	9	34	30	27
коллективные	11	31	29	30	10	35	29	37
Яйца								
все хозяйства	33	40	18	9	28	41	23	8
коллективные	35	40	18	8	31	42	21	6

Примечание. Цифрами в скобках обозначены административные районы – соседи Москвы: (1) – ближайшая зона, (2) – ближняя зона, (3) – средняя зона, (4) – дальняя зона.

В растениеводстве роль второй зоны несколько меньше. Производство зерна в Подмосковье тяготеет к удаленным районам. В овощной продукции дальняя зона (за счет южных районов в пойме Оки) играет почти такую же роль, как и вторая зона. Однако именно во второй зоне, где концентрируется сельскохозяйственное производство, сосредоточена и большая часть садов, огородов и дач населения, проживающего в Москве и Подмосковье (табл. 5).

Таблица 5

Распределение садов, дач и огородов по зоне удаленности от Москвы, %

С/х участок	Зона			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Сады				
1990 г.	6	46	40	8
1996 г.	7	41	36	17
Огороды				
1990 г.	12	31	32	25
1996 г.	13	33	31	23
Дачи				
1996 г.	18	65	14	4

Кроме того, возобновляются типичные для России процессы депопуляции и деградации сельской глубинки. В отличие от начала 90-х годов, когда оживились демографические процессы на периферии, сейчас вновь активизировались центростремительные тенденции динамики населения. В результате сильной депопуляции и сжатия экономического пространства вокруг крупных городов (например, на 5 % пригородной территории вокруг Ярославля проживает 17% сельского населения области и производится пятая часть сельскохозяйственной продукции) значимость сельскохозяйственных земель вокруг городов в других регионах России выше, чем в Подмосковье. Поэтому и потери сельскохозяйственных угодий в пригородах заметно меньше (всего по области 7% за 90-е годы). Сельскохозяйственные угодья на периферии приходят в запустение по причинам той же депопуляции сельской местности [17].

Все это резко отличает Россию от развитых стран. Феномен постпродуктивистской – аналога постиндустриальной – экономики применительно к сельскому хозяйству, когда сельские жители не занимаются своим производством, а обслуживают спрос горожан на различные услуги, вплоть до экзотических, чужд России. В США и европейских странах он привел к тому, что именно в пригородах из оборота выведены значительные площади сельскохозяйственных земель. В условиях избытка продуктов питания это позволяет поддерживать приемлемый для фермеров уровень цен. В России, где спрос на продукты питания отечественным производством не удовлетворяется, нет социально-политических условий для вывода из оборота земель. Тем не менее земли из оборота все равно выводятся и в огромных масштабах, но происходит это на периферии по причинам депопуляции. Кризис 90-х годов придал новый сильный импульс этому процессу. В этом контексте вывод из оборота высокопродуктивных пригородных земель может привести к коллапсу отечественного сельского хозяйства.

Таким образом, в последнее десятилетие пригородное сельское хозяйство России стало объектом противоречивых, а иногда и противоположных влияний. С одной стороны, кризис способствовал усилению центробежно-периферийного градиента, с другой – его ограничению, особенно после того, как местные администрации получили возможности манипулировать землей.

Принципиальное различие России от развитых стран Европы и США состоит в том, что, аналогичные экономические изменения в ней происходят в другой социально-экономической среде. Это иные процессы, пока далекие от субурбанизации западного типа, усиливаются тем фактом, что большинство классических садов,

дач и даже коттеджей используется сезонно в качестве второго жилья, а не как западные single family house.

Россия воспроизводит свой квазитюненский ландшафт. Его пространственный результат тот же, что был в западных странах в 60-е годы, при сильном различии исходных факторов. Осмыслить этот феномен можно *на стыке представлений о топологии пространства и о экономической системе*. Нам представляется, что тип освоения пространства способствует сохранению сложившейся организации сельского хозяйства областного уровня. Тогда как системные экономические изменения ведут к эрозии тюненского ландшафта. Равнодействующая этих сил проблематична и, видимо, зависит от времени и места.

Литература

1. Тюнен И.. *Изолированное государство*. М., 1926.
2. Gottmann J. *Megalopolis*. MIT Press, Cambridge, 1961.
3. Grigory Ioffe and Tatyana Nefedova. *Environs of Russian Cities*, The Edwin Mellen Press., 2000.
4. Stutz F. and de Souza/ *The World Economy*. Prentice Hall, Upper Saddle River, 1998.
5. Dicken H. and Lloyd H. *Location in Space*. Harper and Row, New York, 1990.
6. Минеев В.А. *Экономические основы пригородного сельского хозяйства*, М, Изд-во экономической литературы, 1962.
7. Вильцин И. *Влияние местоположения на уровень хозяйствования колхозов*, М, Экономика, 1974.
8. Жихаревич Б.С. *Агропромышленный комплекс крупного города*, Л, Наука, 1989.
9. Иоффе Г.В. *Изучение географии сельского хозяйства в зоне влияния крупного города*// *Известия АН СССР, сер. геогр.*, № 1, 1984.
10. Иоффе Г.В. *Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы*, М, Наука, 1990.
11. Нефедова Т.Г. *Внутриобластные различия в сельском хозяйстве Нечерноземья*// *Известия АН СССР, сер. геогр.*, 1997, №2.
12. Grigory Ioffe and Tatyana Nefedova. *Continuity and Change in Rural Russia*, Boulder: Westview Press 1997.
13. *Паспорт социально-экономического положения городов и районов Московской области*, М, Московский областной комитет госстатистики, 1998.
14. *Показатели развития отраслей агропромышленного комплекса Рязанской области в 1980-1998 гг.*, Рязань, Рязанский областной комитет госстатистики. 1998.
15. Нефедова Т.Г. *Новые тенденции в АПК России*// *Известия АН СССР, сер. геогр.*, 2000, № 4.
16. Bryant C and Johnston T. *Agriculture in the City's Countryside*. University of Toronto Press, Toronto, 1992.
17. Нефедова Т.Г. *Российские пригороды: специфика расселения и становление жилищно-земельного рынка*// *Известия АН СССР, сер. геогр.*, 1998, № 3.